

УДК: 327

Регионализм в интерпретации Китая: Эволюция теоретических взглядов и практической политики

Песцов Сергей Константинович

доктор политических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Отделом международных отношений и региональной
безопасности Института истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток.
E-mail: skpfox@yandex.ru

С приходом к власти Си Цзиньпина и пятого поколения китайских лидеров в 2012 году региональная проблематика стала приобретать новое, все более заметное звучание в Китае. Это позволяет говорить о начале формирования собственного китайского видения регионализма как сумме согласованных представлений об окружающем региональном пространстве, взглядов на региональные порядки и стратегий поведения в региональной среде. Содержание и общие его представления являются продуктом достаточно продолжительного процесса теоретических исследований, концептуальных дебатов и практических экспериментов, истоки которого уходят к временам появления современного Китая в середине прошлого века. Данная статья посвящена рассмотрению эволюционной истории регионализма Китая, которая представлена двумя основными периодами: первый из них — с начала 1950-х до конца 1990-х годов — период предистории китайского регионализма и второй, период рождения китайского видения регионализма, охватывающий время с начала 2000-х годов и до сегодняшних дней.

Ключевые слова: Китай, регионализм, внешняя политика, региональное сотрудничество, периферийная дипломатия, региональные организации.

Regionalism in Interpretation of China: the evolution of theoretical views and practical policies

Sergey Pestsov, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: skpfox@yandex.ru

With the rise of Xi Jinping and the fifth generation of Chinese leaders in 2012, regional affairs began to acquire a new, increasingly noticeable sound in China. This allows tell about the beginning of the formation of Chinese vision of regionalism as a sum of concerted views about the surrounding regional space, views on regional order and strategies of behavior in the regional environment. The content of this vision is the result of a fairly long process of theoretical research, conceptual debate and practical experiments, the origins of which go back to the time of the emergence of modern China in the middle of the last century. This article is devoted to the evolutionary history of China's regionalism, which is represented by two main periods: the first of them — from the beginning of the 1950s to the end of the 1990s — the period of prehistory of Chinese regionalism and the second, the period of the birth of the Chinese vision of regionalism, covering the time from the early 2000s to today.

Keywords: China, regionalism, foreign policy, regional cooperation, peripheral diplomacy, regional organizations.

Смещение на рубеже веков центра хозяйственно-экономической и политической активности с Запада на Восток с неизбежностью актуализирует проблему эффективной организации и упорядочения взаимодействий, варианты решения которой будут менять внешние контуры и внутреннюю дифференциацию обширного географического пространства, обычно определяемого в настоящее время как Азиатско-Тихоокеанский регион. В интерпретации социального конструктивизма объективных, «изначально данных» регионов не существует, все они являются социальными конструктами с присущими им изменчивостью, «текучестью» пространственных очертаний и состава участников. Регионы, — констатирует Л. Кёнхардт, «...могут быть определены природными факторами, такими как географические разграничения, культурные разделения и исторический опыт. Тем не менее, в реальности регионы чаще являются усилиями превзойти эффекты этих шаблонов. Соответственно, подчеркивает он, «...не может быть никакого регионального строительства без социальной концепции, социологического или политического строительства» [26, р. 13].

Все это указывает на важность тщательного исследования регионального видения и позиций различных акторов, действующих в АТР, усилиями которых он прорисовывается, и переформатируется, как пространственно, так и содержательно. Едва ли не основной интерес среди них в настоящее время все больше привлекает Китай. Стремительный экономический рост и глубокие социальные трансформации, способствующие переосмыслению Китаем самого себя и своего места в окружающем мире, превращают его в силу, все более ощутимо влияющую на общую региональную динамику, будущую конфигурацию и облик всего Азиатско-Тихоокеанского пространства. Сегодня все большее число специалистов соглашается с тем, что внешняя активность Китая смещается «от осторожного подхода, ориентированного на управление отношениями с великими державами в своем соседстве, подчеркивая стабильность и безопасность, и противодействуя влиянию других великих держав, в сторону более рискованной политики, основанной на стремлении укрепить свои собственные интересы», отражая серьезный сдвиг в его стратегическом мышлении [5, р. 3]. Важность данного факта, кроме всего прочего, связана с тем, что впервые за долгое время мы имеем дело с «политикой регионализации как процессом, осуществляемым не-западным актором и подкрепленным не-западным пониманием международных отношений» [25, р. 1 – 2].

Регионализм в данном случае рассматривается как совокупность национальных идей и предположений, касающихся возможности, формы и потенциальных выгод устойчивых кооперационных взаимосвязей и согласованного развития в рамках непосредственного или относительно близкого соседства. Он не исчерпывается обычным набором представлений о принципах и правилах отношений с соседними государствами, который в том или ином виде с неизбежностью присут-

ствуется у любой страны, определяя её внешнюю политику. «Регионализм, — подчёркивает профессор Школы гуманитарных и социальных наук Технологического университета Наньян Хэ Баоган (He Baogang), — является не только вдохновляющим предприятием в истории человечества, он также является спокойной революцией. Он предполагает реорганизацию политической, экономической, культурной и социальной жизни в соответствии с воображаемым регионом, а не стандартной политической единицей национального государства» [2, р. 1]. О региональном видении страны или её собственных представлениях о регионе можно судить, исходя из того, в какой мере в национальном общественном и политическом дискурсе присутствуют вопросы, касающиеся (а) необходимости и важности особого подхода к конструированию взаимодействий в рамках определенной группы государств, связанных географической близостью, (б) целей и наиболее подходящих для этого моделей и стратегий, (в) пространственных рамок или географического охвата и (г) принципов и характера отношений между участниками потенциального объединения¹. Исходя из этого, данная работа представляет собой попытку общего анализа исторической эволюции идеи регионализма в современном Китае как суммы представлений, в том числе дискуссионных, об окружающем региональном пространстве, взглядов на региональные порядки, стратегий и тактик поведения в региональной среде, формирующейся в процессе его роста и развития.

КИТАЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ ОКРУЖЕНИИ: ПОДХОДЫ К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБЩЕЙ СХЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ

Регионализм, как таковой, не относится к числу наиболее популярных или широко распространенных в китайской общественной и научной лексике терминов. Тем не менее, как полагают некоторые исследователи, концепция «региона» стала приобретать все более важный смысл в Китае непосредственно после вторжения западных колониальных держав и дезорганизации традиционных моделей международных отношений в Восточной Азии. Результатом этого стала появление различных вариантов концепции «азиатской солидарности» (или азиатского регионализма), разработанных для разных целей, задач и интересов [18].

Большая часть исследователей признает, что взгляды и общее отношение Китая к регионализму, равно как и его поведение в региональном окружении, претерпели существенную трансформацию, особенно заметную в течение нескольких последних десятилетий. Здесь следует отметить, что к факторам, повлиявшим и продолжающим оказывать влияние на отношение Китая к регионализму, могут быть отнесены как

1. В данном случае мы отталкиваемся от предположений о выделении разными авторами ключевых для успешного развития регионализма тем. См., например, [43, р. 9; 37].

определенные объективные обстоятельства, так и субъективные факторы. Если говорить о первых, важным в этом случае является то, что в силу своих размеров и месторасположения Китай географически оказывается встроенным сразу в несколько региональных пространств (субрегионов), соединяя их собой. В то же время, он очень редко оставался единоличным хозяином в своем «собственном» субрегионе, вынуждено сосуществуя с большими и малыми соседями, которые часто оказывались экономически более развитыми и политически активными. В субъективном плане Китай исторически, как правило, не рассматривал себя в качестве части какого-либо конкретного региона или субрегиона. Гораздо чаще он исходил из собственного восприятия как большой страны, значимость которой выходит за рамки региональных границ, и которая способна в силу своих размеров и географического положения выступать в роли регионообразующего (конституирующего регион) фактора.

Неизбежным следствием этого стало отсутствие у Китая прочных исторических корней и традиций, связанных регионализмом. В традиционном китайском мировоззрении понятие «регион» замещалось концептом «тянься» («tianxia») — «все под небесами» или окружающий мир. Этот термин объединял в одно целое «государство» и «цивилизированный мир». Его границы обычно охватывали китайскую империю и соседние районы, с которыми взаимодействовали китайцы, что примерно соответствует тому, что сегодня понимается как Северо-Восточная, Юго-Восточная Азия и часть Центральной Азии [16, р. 19]. Практически до середины XIX века традиционное понимание международного порядка, включало Китай в качестве центра цивилизованного мира и окружающие его государства и племена, иерархия отношений с которыми строилась на принципах даннической системы. В зависимости от географической близости к китайской империи и степени, в которой они ассимилировали и усваивали «китайские» нормы и ценности, окружение Китая упорядочивалось в форме концентрических кругов вокруг властного центра, олицетворяемого китайским императором в качестве Сына Неба [16, р. 19].

В целом, восприятие и отношение к регионализму Китая, полагает профессор Китайского университета международных отношений и вице-президент Китайской национальной ассоциации международных исследований Цинь Яцин (Qin Yaqing), как правило, определяется тем, что «сердцем китайской внешней политики выступает не реалистская дилемма безопасности, а критическая конструктивистская дилемма идентичности: кто такой Китай и как он видит окружающий мир» [8, р. 227]. Соответственно, — полагает С. Ким, — «...поведение Китая в международном сообществе можно рассматривать как отражение его образа мира и собственного образа» [27, р. 49].

Эволюционный путь, к настоящему времени прошедший Китаем с точки зрения общего восприятия и практического участия в много-

сторонних региональных взаимодействиях, разными исследователями интерпретируется по-разному. «Оглядываясь на историю, — считает научный сотрудник Отдела теории войны и стратегических исследований Академии военных наук Китая капитан Чжан Чи (Zhang Chi), — отношения между Китаем и соседними странами... могут быть разделены на три этапа. Во-первых, этап пассивной реакции: период турбулентности (1949-1978); во-вторых, перенос их в центр внимания: период приспособления и умеренности (1979-1989 годы); и в-третьих, активное управление ими: период перемен и разогрева (с 1990 года по настоящее время)» [61, р. 14].

Близкое к этой точке зрения мнение, рассуждая о регионализме в Северо-Восточной Азии, высказывают К. Колдер и Минь Е (Kent Calder and Min Ye). С момента революции 1949 года и вплоть до конца 1970-х годов, — убеждены они, — Китай был причиной и находился в центре регионального «организационного разрыва» [7, р. 163]. На втором этапе — с 1978 по 1989 год — региональное участие Китая, предпочитавшего опираться на двусторонние подходы, оставалось довольно сдержанным. Существенным образом позицию Китая в отношении регионализма изменил Азиатский финансовый кризис 1997 года, превратив его из «пассивного, а порой обструкционистского участника в активного и последовательного актора» [7, р. 163]. А с 2003 года, полагают они, Китай явно принял «северо-восточное азиатское сотрудничество как концепцию с фактическими кооперативными отношениями с соседями, ускоряющимися с конца 2006 года» [7, р. 153, 166].

Иную хронологическую схему, основываясь на анализе процесса постепенного включения Китая в региональное многостороннее сотрудничество, предлагает в своем исследовании докторант Автономного Мадридского университета Чжоу Вейфен (Zhou Weifeng). В качестве начальной точки этого процесса он определяет конец 1970-х годов с последующей историей, укладывающейся в четыре основных этапа. Первый из них — с 1978 по 1991 года — характеризуется пассивной позицией Китая в отношении многостороннего регионального сотрудничества; второй — 1991 — 2001 годы — позитивной позицией; третий — с 2001 по 2013 года — активной позицией; наконец, четвертый — с 2013 года по настоящее время — отличает переход Китая к инициативной позиции. Появление Инициативы Пояс и Путь в качестве приоритета китайской внешней политики, по его мнению, означает, что «региональный многосторонний подход стал новой парадигмой для китайской внешней политики, поскольку институционализация регионального многостороннего сотрудничества обеспечивает инновационный подход для Пекина в продвижения его региональных и глобальных интересов» [53, р. 4, 16].

В еще более ограниченных рамках аналогичный процесс выглядит в представлении специалистов Исследовательского центра экономической дипломатии Уханьского университета Чжан Сяотуна и Ли Сяоюэ (Zhang Xiaotong and Li Xiaoyue). Говорить о возникновении регионализ-

ма Китая как системы представлений о регионе и региональных взаимодействиях, считают они, можно только лишь, начиная с 1990-х годов. Общая логика данного процесса, по их мнению, может быть описана в рамках двух основных этапов и трех эволюционных изменений. Первый этап охватывает 1990-е — 2000-е годы и характеризуется постепенно расширяющимся экономическим и торговым сотрудничеством Китая в региональных рамках. Начало второго этапа, основным содержанием которого является стремление Китая интегрироваться в регион посредством теперь уже не только экономических, но исторических и культурных связей, относится ими к 2012 году [63].

Констатируя многообразие и различия в подходах, описывающих общую историческую эволюцию взглядов Китая на свое региональное окружение и политику по отношению к нему, было бы неверным разделять их на «правильные» и «ошибочные». Каждый из этих подходов содержит рациональное зерно, сосредоточивая внимание на вполне конкретном аспекте общей проблемы: месте региона в общем внешнеполитическом контексте страны или соотношении между двусторонними и многосторонними взаимодействиями. И в большинстве случаев все они фиксируют некоторые важные критические точки, приобретающие смысл в тесной связи именно с этим аспектом. Все это, с одной стороны, позволяет использовать указанные подходы в качестве исходной точки в дальнейших рассуждениях о китайской версии регионализма, как он был определен выше, а, с другой, требует переосмысления предложенных хронологических рамок и этапов его исторической эволюции.

Прежде всего, следует признать, и это подтверждается многочисленными оговорками разных авторов, что регионализм, в действительном смысле этого понятия, начинает возникать и оформляться в качестве согласованной в общих чертах концепции только в начале второго десятилетия нынешнего века. Так, к примеру, в опубликованной в 2009 году работе, доцент Школы международных исследований им. С. Раджаратнама (RSIS) Технологического университета Наньян (Сингапур) Ли Минцзян (Li Mingjiang) вполне резонно констатирует: «Я прихожу к выводу, что Китай еще не разработал общего видения региональной многосторонности и региональной интеграции» [32, р. ii]. В опубликованном годом раньше исследовании профессор факультета политических наук Университета Линнань Чун Цянь Пэн (Chien-Peng Chung) подчеркивает, что подход Китая к многосторонности по-прежнему определяется его статусом и конкретными национальными интересами, а не каким-либо общим видением [11]. В 2011 году к подобному выводу приходит профессор Школы международных исследований Университета Денвера Чжао Суйшэн (Suisheng Zhao), признавая, что участие Китая в региональном сотрудничестве в первую очередь мотивируется расчетами внутренних интересов, связанных с созданием мирной периферийной среды для его экономического роста, политической стабильности и

безопасности границ [64].

Все это подтверждает, что вряд ли можно вести речь о регионализме Китая, по крайней мере до начала 2000-х годов. Его отсутствие до последнего времени может быть объяснено разными причинами. Одной из важнейших в их числе, считает Ли Минцзян, является попытка сознательного ухода от выработки согласованного его видения в связи с опасениями, что «любые попытки выработать план региональной интеграции могут вызвать подозрения у других крупных держав, тем самым еще больше осложняя стратегическое положение Китая в Восточной Азии и мире» [32, р. 27]. Вместе с тем, предшествующий этому период, начиная с образования в 1949 году современной КНР и до начала 2000-х годов, также вряд ли стоит игнорировать. Он может быть определен как прелюдия или предыстория китайского регионализма. И рассмотрение основных интеллектуальных и практических перемен, происходивших в эти годы, позволяет лучше понять специфику формирующегося в настоящее время в Китае общего взгляда на регион и региональные порядки.

РЕГИОНАЛИЗМ КИТАЯ: РЕКОНСТРУКЦИЯ ХРОНОЛОГИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

Индивидуальные перемены во взглядах, связанные с пониманием себя и своего окружения, и тем более аналогичные перемены в жизни страны, с одной стороны, обуславливаются существенными изменениями внутреннего и внешнего контекста, а, с другой, сами способствуют трансформации последнего. Точная хронология в первом случае сложнее поддается идентификации в связи с постепенностью накопления знаний и их осмысления, прежде чем это найдет свое выражение в конкретных действиях или поведении. Именно поэтому в качестве рубежных точек любой хронологии чаще выступают наблюдаемые события, обладающие более или менее точной временной привязкой. Однако каждому такому событию, если это не внезапный кризис или катастрофа, с неизбежностью предшествует какой-то период «интеллектуальной подготовки», связанный с осмыслением текущей ситуации, вероятных тенденций её развития, возможных, приемлемых и наиболее эффективных стратегий действий, а также дискуссиями (скрытыми или явными) вокруг всех этих вопросов. Предлагаемая ниже хронология истории становления и развития регионализма Китая также опирается на определенного рода наблюдаемые знаковые события в истории страны, которые фиксируют зарождающиеся ранее и достигшие определенной зрелости интеллектуальные перемены. Этот процесс составляют два крупных исторических периода. Хронологическими рамками первого, который может быть охарактеризован как прелюдия регионализма, являются начало 1950-х — конец 1990-х годов. Второй, период рождения китайского видения регионализма, охватывает время с начала 2000-

х годов и до сегодняшних дней. В качестве водораздела между ними выступают первые, хотя и не вполне удачные, попытки инициативного включения Китая в региональное строительство, основываясь на собственных представлениях, вместо адаптации к текущим процессам регионализации, как это было ранее. Каждый из этих исторических периодов, в свою очередь, включает по два относительно самостоятельных этапа, позволяя детализировать общую картину эволюционной истории становления регионального видения Китая.

ПРЕДЫСТОРИЯ КИТАЙСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА: ОТ ВРАЖДЕБНОСТИ К УЧАСТИЮ

Содержание первого периода эволюции китайского регионализма определялось траекторией перехода от враждебно настроенного отношения Китая к организованным региональным взаимодействиям до признания полезности стабильных хозяйственных взаимодействий с региональными соседями для целей национального роста и развития. На начальном этапе этого периода — с момента образования в 1949 году современной КНР и до конца 1970-х годов — в политике Китая явно доминировали негативизм в отношении региональных взаимодействий в любых их формах и отказ от особых подходов во внешней политике, обусловленных какими-либо пространственными рамками. Второй этап — с начала 1978-х и до конца 1990-х годов — определялся постепенным смягчением отношения Китая к региональным соглашениям, осторожным его включением в обсуждение региональных проектов и налаживанием взаимодействий с уже существующими (АСЕАН) и новыми (АТЭС) региональными структурами.

ЭТАП НЕГАТИВИЗМА И ОТРИЦАНИЯ: НАЧАЛО 1950-Х — КОНЕЦ 1970-Х ГОДОВ

В течение почти двадцати лет, с момента образования КНР, Китай, воспринимавший себя как революционное государство, любые региональные (групповые) соглашения рассматривал в качестве инструментов антикоммунистической борьбы и барьеров, возводимых империалистическими государствами на пути социализма в Азии. Таковым, в частности, по мнению китайских авторов, являлась и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) — одно из немногих региональных образований, олицетворявшим в эти годы регионализм в Азии [63]. Одновременно или поочередно разворачивая борьбу с «советским ревизионизмом» и «западным империализмом» Пекин в эти годы выступал источником дестабилизации в своем региональном окружении, экспортируя маоистскую идеологию, поддерживая вооруженные мятежи, вовлекаясь в пограничные споры и конфликты практически с каждым из своих соседей [45, р. 64].

Поскольку одним из важнейших постулатов «китайского мировоззрения» является положение, согласно которому правильное поведение является проявлением правильной мысли, [19] неудивительно, что основным теоретическим фундаментом внешней политики Китая этого периода выступало мышление Мао Цзэдуна. Его представление об окружающем мире и месте в нем Китая отражали последовательно развивавшиеся концепции «одной промежуточной зоны» (1940-е и 1950-е годы), «двух промежуточных зон» (1960-е годы), которые в конечном итоге оформились в теорию «дифференциации трех миров (1970-е годы)» [23, р. 35]. Идея «промежуточных зон» отражала представление Мао Цзэдуна, согласно которому истинное поле битвы располагается не между мировыми сверхдержавами, а, скорее, в обширной зоне их разделяющей. Эту зону образует множество капиталистических, колониальных и полуколониальных стран в Европе, Азии и Африке, которые, в качестве «тыловых районов империализма», создают защитный буфер и становятся, таким образом, новым союзником социалистического лагеря [29, р. 30 – 31]. С течением времени концепция «промежуточной зоны» трансформировалась в теорию «трех миров», которая экономически и политически разделяла мир на три основных сегмента, где «США и Советский Союз принадлежали к первому миру. Страны, такие как Япония, Европа, Канада и Австралия, относились ко второму миру. А все азиатские (кроме Японии), африканские и латиноамериканские государства формировали третий мир» [34, р. 454; 23].

Что касается общих концептуальных идей, оказывающих влияние на формирование стратегии взаимоотношений Китая с его непосредственными соседями, не менее важное значение, хотя, вероятно, не столь очевидное, значение имели результаты и последствия более ранней полемики о пан-азиатском единстве, развернувшиеся в среде китайской интеллектуальной элиты. Группу наиболее активных пропагандистов идеи пан-азиатского единства как инструмента антиколониального освобождения Азии на рубеже XIX – XX веков представлял основатель партии Гоминьдан Сунь Ятсен [4]. Основой этого единства, по его мнению, мог стать альянс азиатских государств, прежде всего Китая и Японии, основывающийся на их цивилизационном и расовом сходстве [46, р. 153; 3, р. 109]. В качестве идейной основы такого союза Сунь Ятсен рассуждал о «доктрине Монро» для Азии, основываясь на признании принципиальных культурных и цивилизационных различий между Востоком и Западом. Западная система правления, полагал он, признает только силу и утилитаризм, восточная же основывается на добродетели и праве; первая всегда представляет собой угнетение посредством грубой силы и вооруженного принуждения, вторая – организацию людей с помощью разума и справедливости [46, р. 110]. Союз Китая и Японии, в его представлении, являлся единственной возможностью освобождения Дальнего Востока от доминирования западного империализма, совместного развития ресурсов западной части Тихого

океана и установления нового порядка, возвращающего Дальний Восток его народам.

Другие представители китайской интеллектуальной элиты, такие как, например один из основателей КПК Ли Дачжао, считали, что фундамент азиатского единства может быть создан путем формирования союзов Китая не с Японией, а с другими слабыми странами. Его концепция азиатского единства основывалась на идее национального освобождения «всех народов Азии, которые угнетены, которые должны быть освобождены, должны осознать национальное самоопределение, сформировать крупный союз между собой, поддержать альянс с Европой и Америкой, разработать международную федерацию и улучшить человеческое существование» [18, р. 72 – 73]. Возражения и критика Ли Дачжао идеи пан-азиатского единства Сунь Ятсена основывались на том, что Япония, по его мнению, может использовать риторику пан-азиатства для оправдания и маскировки своих экспансионистских амбиций [18, р. 73].

Как показали последующие события, Ли Дачжао во многом оказался прав, поскольку идеалистической конструкции пан-азиатского единства Сунь Ятсена был нанесен непоправимый удар военной агрессией Японии на материке, которая действительно использовала риторику азиатской общности для оправдания национализма и внешней экспансии. Но и концепция «единства слабых» Ли Дачжао не выдержала проверку временем. Если региональные иллюзии Сунь Ятсена были разрушены Японией, то идеи Ли Дачжао были разрушены самим революционным Китаем, его военными конфликтами с Индией и другими ближайшими соседями. Все это объясняет и еще раз подтверждает, что, как минимум, до конца 1970-х годов Китай в своей внешней политике не придавал регионализму никакого значения. «Для Мао и его товарищей, – констатирует профессор Университета Блумберга (Пенсильвания, США) Шэн Дин, – внешнеполитическая цель Китая заключалась не в расширении политического и военного контроля Китая над чужой территорией и ресурсами, а просто в повышении его авторитета. Таким образом, – приходит он к выводу, – внешняя стратегия Мао не может быть связана с какой-либо формой регионализма» [45, р. 35].

ЭТАП ПРИСПОСОБЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ: НАЧАЛО 1980-Х – КОНЕЦ 1990-Х ГОДОВ

Второй, завершающий предысторию китайского регионализма, как уже говорилось, отмечен постепенным смягчением отношения Китая к региональным соглашениям, налаживанием взаимодействий с уже существующими и возникающими региональными структурами, постепенно расширяющимися попытками использования предоставляемыми ими возможностями для реализации целей национального развития и осторожным включением в обсуждение региональных проектов. Во-

доразделом, разделившим эти этапы, стало существенное изменение внутреннего контекста и началом политики реформ и открытости (гай-гэ кайфан), инициированная Дэн Сяопином в конце 1970-х годов.

Более серьезно вопрос о присоединении и участии в работе региональных учреждений, как полагают некоторые китайские исследователи, Китай начинает рассматривать в 1980-е годы. А уже с начала 1990-х такое участие все больше воспринимается в качестве неотъемлемой части внешнеполитической стратегии по созданию международной обстановки, благоприятствующей экономическому развитию страны [45, р. 36]. Вопрос о возможных вариантах участия в региональном сотрудничестве стал обсуждаться в кругах китайской политической элиты прежде, чем это участие трансформировалось в какие-то практические шаги или решения. В 1979 году при Госсовете КНР был учрежден специальный научно-консультационный орган – Центр исследования международных проблем (Гоцзи вэньти яньцзю чжунсин), который возглавил известный ученый, бывший заместитель председателя комиссии по иностранным делам ВСНП, вице-президент Академии общественных наук КНР и советник Дэн Сяопина Хуань Сян (HuanXiang). В недрах именно этой структуры, по утверждению В.А. Корсуна, родились практически все основные концепции, освященные авторитетом Дэн Сяопина и легшие в основу внешнеполитической деятельности пореформенного Китая².

В 1985 году Хуань Сяном была опубликована одна из первых работ, посвященных рассмотрению перспектив развития Азиатско-Тихоокеанского региона и позиции Китая [56]. В этой работе не только подчеркивалась важность региона для Китая, но и необходимость выработки и проведения им собственной независимой политики в отношении сотрудничества в региональном контексте. Хуань Сян обосновывал необходимость наличия у Китая собственного плана действий на региональном пространстве, исходя из того, что если Китай не будет участвовать в региональных взаимодействиях, он рискует превратиться в маргинала. По его мнению, Китай должен отстаивать развитие тихоокеанского сотрудничества, активно продвигая при этом интересы стран Третьего мира. Доминирующими элементами такой стратегии, считает он, могли бы стать экономическое и культурное сотрудничество, поскольку политическое и военное сотрудничество являются более трудно достижимыми. Для Китая, такими образом, подчеркивал Хуань Сян, важно приобрести уверенность в том, что он играет активную роль в продвижении такого рода Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества [18, р. 77].

Примерно в это же время перемены в отношении Китая к региональному сотрудничеству начинают находить отражение в официальных государственных и партийных документах. Первое упоминание о том, что Китай должен содействовать глобальному и региональному

2. Центр исследования международных проблем просуществовал до 1998 года. См.: [30, р. 231].

экономическому сотрудничеству появляется в 1995 году в «Докладе о работе правительства» премьер-министра Ли Пэна. Начиная с этого доклада китайские руководители стали неизменно подчеркивать важность регионального сотрудничества почти в каждом таком докладе. В отчетах партийных съездов, которые считаются важнейшими официальными документами КНР, направляющими развитие нации, об инициативах по региональному сотрудничеству не упоминалось вплоть до конца 1990-х годов. О необходимости активного участия Китая в многосторонней дипломатической деятельности впервые было заявлено Генеральным секретарем ЦК КПК и Председателем КНР Цзян Цзэмином в докладе на Пятнадцатом съезде КПК в 1997 году [18, р. 77].

Одновременно начинает меняться и внешнеполитическая практика страны. В начале 1990-х годов китайское руководство уже вполне благосклонно отнеслось к идее М. Махатхира, выступившего с предложением о создании Восточноазиатской экономической группы в качестве чисто азиатского форума для межправительственных консультаций, хотя и дистанцировалось от попыток её практической реализации. Отдавая отчет в важности поддержания в целях своего экономического развития отношений с США, Китай не только отказался от прямой поддержки проекта эксклюзивного азиатского регионального объединения, но и одним из первых в 1991 году присоединился к более широкому по составу участникам форуму Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества (АТЭС), что положило начало активному его участию в региональных организациях³. С окончанием Холодной войны, Китай постепенно меняет свое негативное отношение к АСЕАН, а с середины 1990-х годов расширяет свою включенность в азиатский регионализм, постепенно превращаясь во все более активного участника и донора существующих региональных механизмов [63].

Меняющееся отношение Китая к регионализму на этом этапе являлось, в том числе, следствием начавшегося переосмысления экспертами и лидерами страны общего регионального контекста и места в нем региональных объединений, а также ряда успешных шагов, способствовавших укреплению имиджа и позиций Китая в региональном окружении. Во-первых, региональная среда все чаще оценивается в Китае с меньшей настороженностью с точки зрения безопасности и внешних угроз. Этому, в частности, способствовала довольно сдержанная реакция большинства его соседей на события 4 июня 1989 года на площади Тяньаньмэнь [44, р. 67 – 68]. Во-вторых, как стали обнаруживать китайские эксперты и политики, азиатские региональные структуры далеко не всегда находились под контролем США. Более того, напротив, зачастую США демонстрировали очевидное неприятие региональных инициатив в этой части мира. Наконец, удачно выбранная Китаем линия поведения в период Азиатского финансового кризиса 1997 – 1998 годов

3. В 1996 году Китай вошел в число участников еще одной общерегиональной организации — Совета по безопасности и сотрудничеству в АТР (CSCAP).

помогла укрепить доверие к нему как ответственному региональному игроку со стороны соседей.

Заметно расширяется в это время и географический район, который рассматривается Китаем в качестве пространства для региональной активности. Если ранее регионализм Китая ограничивался Восточной Азией, то теперь он распространился по всем направлениям в Азии, включая Центральную и Южную Азию» [44, р. 77]. Одним из главных приоритетов была Юго-Восточная Азия. В 1994 году Китай вошел в число членов-основателей Регионального форума АСЕАН (АРФ). В 1997 году состоялся первый Саммит Китай – АСЕАН и стороны подписали соглашение о Добрососедском партнерстве взаимного доверия перед лицом XXI века. Другим важным направлением расширяющейся региональной активности Китая, с несколько более скромными достижениями, являлась Северо-Восточная Азия. Он подключается к начатому в 1991 году ПРООН многостороннему проекту регионального развития реки Туманган, который охватывал широкий спектр областей, включая инвестиции, торговлю, транспорт, охрану окружающей среды, туризм, человеческие ресурсы, коммуникации и энергетику. Китайской стороной, по крайней мере на экспертном уровне, была также поддержана идея экономического круга Бохай как средства содействия развитию экономики Северного Китая и оживления промышленной базы в Северо-Восточном Китае. В 1999 году с его участием прошла первая трехсторонняя встреча КНР – Япония – Южная Корея, посвященная обсуждению возможностей развития сотрудничества в Север-Восточной Азии. Однако в большинстве своем эти и другие субрегиональные проекты не получили развития, в том числе в результате сопротивления или пассивности со стороны других потенциальных участников, включая Россию, Японию и Южную Корею.

В общем, за первые полвека, прошедшие момента своего рождения как современного государства, Китай сумел преодолеть большой путь, связанные с радиальным изменением его представлений об окружающем мире, своем месте в нем, возможностях многосторонней дипломатии и сотрудничества, в том числе, в непосредственном региональном окружении. Возникнув как социалистическое государство, вдохновляемое идеей мировой революции, не имея прочных исторических корней и традиций многостороннего равноправного сотрудничества со своими соседями и чувствуя себя в опасности со стороны враждебного окружения, Китай вплоть до конца 1970-х годов с большим недоверием воспринимал любые форматы многосторонних и/или групповых взаимодействий, особенно в своем непосредственном окружении. Он, по определению С. Левина, представлял собой «региональную державу без региональной политики». «Китай, – отмечает он, – представлял свой конфликт с Вьетнамом как микромир глобальной борьбы против советского экспансионизма. Он рассматривал свою поддержку заявлений Малайзии и Индонезии в проливах Малакки как часть более широ-

кой модели противостояния Третьего мира морской гегемонии сверхдержав. Он изображал свою политику в отношении Тайваня и Южной Кореи в качестве примеров всемирного сопротивления американскому империализму. Он описывал свою торговлю с АСЕАН как пример экономического сотрудничества юг-юг» [31, р. 107 – 111]. «Во время Холодной войны, – дополняет его С. Ким, – в Китае не было определенной региональной политики. ...Ни один из многочисленных подходов к установлению идентичности и выполнению роли Китая не имел большого отношения к азиатскому регионализму» [28, р. 464].

Ряд серьезных событий, связанных с переменами в национальном и международном контекстах – завершение Культурной революции и переход к политике реформ и открытости в 1976 – 1978 годах, события на площади Тяньаньмэнь 1989 года, окончание Холодной войны конца 1980-х – начала 1990-х годов и Азиатский финансовый кризис 1997 года – во многом способствовали постепенному и все более активному включению Китая в разного рода региональные проекты, структуры и институты. Всерьез рассматривать вопрос о присоединении к региональным учреждениям Китай начинает в 1980-е годы, а с начала 1990-х годов институциональное участие все больше рассматривается Пекином как важная часть внешней стратегии Китая по созданию мирной международной обстановки для экономического строительства [45, р. 36]. И к концу этого периода Китай в целом завершает впечатляющий путь радикальной трансформации в теоретическом осмыслении и практике внешней политики в целом и стратегии региональных взаимоотношений, в частности. От враждебности и полного неприятия групповых взаимодействий в своем региональном окружении он перешел к признанию их полезности и участию в их деятельности. Наиболее значимыми в этом смысле оказались конец 1990-х и 2000-е годы, когда, по словам Д. Шамбо, постепенно растущая восприимчивость Пекина в отношении регионального сотрудничества уступила место взрывному участию Китая в целом ряде региональных многосторонних организаций [44, р. 70]. В общем этот период стал для Китая временем множества региональных экспериментов, попыток подключения к разным формам региональных взаимодействий, использования возможностей ими предоставляемых.

И тем не менее, все эти перемены в осознании и политике региональных взаимодействий Китая могут быть охарактеризованы только лишь как подступ к действительному регионализму. В целом, весь этот период характеризовался сохранением преобладающего влияния двусторонних взаимодействий на стратегическую политику Пекина Его взаимодействие с ведущими региональными институтами в значительной степени было обусловлено стремлением не остаться в стороне, а не каким-либо ясным стимулом к активному формированию моделей регионального сотрудничества [7, р. 165]. Расширение региональной активности мотивировалось в основном односторонней заинтересо-

ванностью в использовании возможностей грубого сотрудничества для достижения собственных целей. Эта активность ограничивалась отдельными сферами, основной среди которых была торгово-экономическая кооперация. И даже в этом случае еще «в начале 1990-х годов Китай был не в восторге от формальных структурированных региональных торговых соглашений, отчасти потому, что он еще не был готов к быстрой либерализации торговли и инвестиций в стране, а отчасти потому, что скептически относился к тому, что Япония играет ведущую роль в региональной экономике» [50, р. 7]. На протяжении всего этого периода региональная активность Китая основывалась главным образом на тактике адаптации, приспособления и попытках воспользоваться выгодой разного рода региональных проектов, инициируемых другими. Наконец, вплоть до начала 2000-х годов у Китая отсутствовала сколько-нибудь согласованная общая региональная стратегия, место которой занимали конъюнктурные политические решения, связанные с отдельными региональными направлениями.

РОЖДЕНИЕ КИТАЙСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА: ОТ ПРИСПОСОБЛЕНИЯ К ЛИДЕРСТВУ

Предшествующий опыт региональной кооперации и набирающие темп перемены внутреннего и международного контекста создали необходимую основу и действенные стимулы для активизации с начала 2000-х годов теоретических и практических усилий, связанных с выработкой и артикуляцией Китаем собственного видения регионализма. В этом случае также можно говорить о двух взаимосвязанных, хотя и различающихся своим содержанием этапах.

ЭТАП ИНИЦИАТИВНОГО УЧАСТИЯ: С НАЧАЛА 2000-Х И ДО 2013 ГОДА

Первый этап данного периода, в основном пришедший на первое десятилетие нового столетия (с начала 2000-х и до 2013 года) может быть определен как этап набирающего силу стремления теоретической разработки общей стратегии действий страны в региональном окружении и отдельных экспериментов, связанных с попытками повлиять на меняющиеся формы институционализации региональных взаимодействий, исходя из собственных представлений и интересов.

Индикатором серьезных подвижек в осмыслении региональной политики стал ряд положений и тезисов, появившихся в выступлениях китайских руководителей и решениях высших партийных и государственных органов. На XVI съезде Коммунистической партии Китая состоявшемся 8-15 ноября 2002 года, генеральный секретарь ЦК КПК Цзян

Цзэминь, передавая полномочия сменяющему его посту руководителя страны Ху Цзиньтао, подчеркнул важность и необходимость укрепления регионального сотрудничества и влияния Китая на региональные организации. На семнадцатом Конгрессе КПК в 2007 году Ху Цзиньтао придал этому положению еще большее значение и четкость, заявив, что Китай должен содействовать международному и региональному сотрудничеству в области безопасности и активно продвигать региональное сотрудничество [39; 40]. Одним из важных побудительных мотивов разработки новой внешнеполитической стратегии, призванной обеспечить дальнейшее развитие Китая и укрепление его влияния в регионе Восточной Азии, являлась необходимость поиска убедительного ответа на рост обеспокоенности соседей Китая по поводу возможных негативных последствий его роста. Таким ответом стала предложенная видным китайским ученым и партийным функционером Чжэн Бицзяном концепция «мирного подъема» (хэпин цзюйци)⁴.

Составной частью этой концепции, непосредственно связанной с взаимоотношениями в региональном контексте, являлась стратегия «делать добро нашим соседям, относиться к нашим соседям как к партнерам» («юлинвайшань, юлинвайбан»). Официально политика «дружественного, мирного и процветающего соседства» («mulin, anlin, fulin»), объяснявшая смысл этой стратегии, была представлена на Саммите АПТ в 2003 году премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао [55, р. 57]. Первый её элемент – «мулин» – касается политических отношений и означает желание Китая строить стабильные и гармоничные отношения со своими соседями. Второй элемент – «анлин» – относится к отношениям безопасности, указывая, что целью Китая является поддержание региональной стабильности и мира. Третий и последний элемент – «фулин» – связан с экономическими отношениями и предполагает развитие регионального сотрудничества, содействие региональной экономической интеграции и поиску общего развития Азии [24, р. 81 – 83]. Все это указывает на появление первоначальных общих концептуальных основ региональной стратегии Китая и попытки идентифицировать приоритетные её векторы. Базовые установки этой стратегии, определенные в 2004 году премьером Госсовета Вэнь Цзябао, включали необходимость (1) придерживаться пяти основных принципов мирного сосуществования и гарантировать мир и стабильность в Азии; (2) продвигать всестороннее азиатское сотрудничество, начиная с экономического и торгового; (3) опираться на существующие каналы многостороннего сотрудничества и совершенствовать существующие механизмы сотрудничества в Азии; (4) укреплять обмены между людьми в Азии, всячески содействовать взаимопониманию, доверию и дружбе; и (5) придерживаться инклюзивного сотрудничества и повышать его уровень в

4. В 2004 году на смену понятию «мирный подъем» пришел термин «мирное развитие», позволяющий свести к минимуму предполагаемую угрозу, поскольку «подъем» является словом, которое, как полагали в Китае, вызывает беспокойство других стран [15].

Азии [54].

К числу важнейших направлений региональной активности Китая были отнесены взаимодействия в рамках АСЕАН+3 и сотрудничество в рамках ШОС. Рассматривая их в качестве двух основных ориентиров, констатировал бывший руководитель Департамента по делам Азии МИД КНР Фу Ин, Китай будет прилагать «новаторские усилия по развитию регионального сотрудничества и стремиться к созданию региональных рамок сотрудничества, соответствующих региональному разнообразию» [17, р. 6].

На практике с собственными инициативами в области субрегионального строительства Китай начинает все чаще выступать с начала 2000-х годов. В ноябре 2000 года премьер-министр Китая Чжу Жунци выдвинул идею создания в течение следующих десяти лет зону свободной торговли Китая и Юго-Восточной Азии [3, р. 115]. Идея получила развитие в 2002 году с подписанием соглашения о Зоне свободной торговли Китай – АСЕАН (САФТА). Оно стало первым соглашением такого рода в истории Китая и первым, заключенным странами АСЕАН коллективно. Все эти шаги, как уже говорилось, во многом были обусловлены политической целью убедить страны АСЕАН в доброжелательности Китая и стремлением ослабить в регионе риторику «китайской угрозы» [32]. Для этого Китай демонстрировал готовность идти на фундаментальные компромиссы, даже ограничивая в ряде случаев собственные интересы [1]. В продолжении этой линии на Саммите Китай – АСЕАН в 2004 году премьер-министр КНР Вэнь Цзябао выступил с двумя новыми инициативами по расширению сотрудничества в регионе. Одна из них предполагала создание зоны свободной торговли в Восточной Азии на базе Рамочного соглашения об экономическом сотрудничестве Китай – АСЕАН 2001 года и САФТА; вторая предусматривала учреждение на базе АСЕАН + 3 Восточноазиатского сообщества для обсуждения политических и иных вопросов. Одновременно с этим Китай включается, начиная играть более активную роль, и в другие многосторонние проекты в Юго-Восточной Азии, такие как проект субрегиона реки Меконг, формирующаяся региональная экономическая зона пан-Тонкинского залива и инициатива Куньмин, поддержанная Китаем, но не получившая развития из-за отсутствия интереса к этому проекту Индии [32].

В 2002 году лидеры трех стран – Китая, Южной Кореи и Японии – поддержали идею создания трехсторонней зоны свободной торговли (CJK FTA). Совместная исследовательская группа, представившая в 2003 году её технико-экономическое обоснование, подтвердила выгодность трехсторонняя ЗСТ для экономик стран-участниц. На неофициальном совещании, состоявшемся в 2003 году в Индонезии, руководители трех стран подписали совместное заявление о содействии трехстороннему сотрудничеству посредством упрощения процедур торговли и инвестиций, что привело к некоторому прогрессу в совершенствовании таможенных процедур, портовых инфраструктур, коммуникаций и охране

окружающей среды⁵.

Другими, достаточно важными направлениями региональной политики Китая этого периода все больше становятся Центральная и Южная Азия. В первом случае подтверждением этого было появление 2001 году Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), выросшей из образованной еще в 1994 году Шанхайской пятерки. Образование ШОС, первого регионального института, созданного по собственной инициативе Китая, как полагают некоторые китайские исследователи, стало историческим прорывом в китайском регионализме [63]. Однако переоценивать данный факт вряд ли стоит. Дело в том, что и Шанхайская пятерка и выросшая из нее ШОС на начальном этапе вряд ли можно было отнести к организациям, нацеленным на развитие региональной кооперации и способствующим этому. Обе институциональные формы представляли собой слабо организованные группировки с ограниченными возможностями сотрудничества и ограниченным влиянием. Основные интересы практически всех их участников ограничивались решением территориальных споров и сокращением военного присутствия в приграничных зонах [53, р. 12]. Несмотря на то, что в сентябре 2003 года на саммите в Бишкеке государствами-членами ШОС было подписано рамочное соглашение об укреплении экономического сотрудничества в ШОС, китайские инициативы по расширению его масштабов, в частности предложение премьер-министра Китая Вэнь Цзябао о создании зоны свободной торговли в рамках ШОС, не нашли понимания у партнеров. Это, однако, не помешало Пекину постепенно превратиться в крупнейшего торгового партнера и инвестора стран Центральной Азии, значительно расширив свое влияние во всем регионе. [35]. В Южной Азии, наряду с укреплением двусторонних отношений со своим «всепогодным» партнером в этом регионе, Пакистаном, в 2006 году Китай официально вошел в качестве наблюдателя в Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК).

Собственное видение формы организации региональных взаимодействий в более широких масштабах путем осторожных закулисных маневров Китай впервые попытался продвинуть в процессе учреждения Восточноазиатского саммита (ВАС), появившегося в декабре 2005 года. Стойко приняв неудачу в продвижении своей идеи более ограниченного, «азиатского» по составу ВАС, Китай не стал сворачивать свою активность в направлении, объединяющем не только страны Восточной Азии, но и значительно более широкий круг участников⁶.

Еще одной характерной чертой рассматриваемого этапа можно считать все более активное присутствие тем, так или иначе связанных

5. К продолжению переговоров по ЗСТ министры экономики трех стран, однако, смогли вернуться лишь в ноябре 2012 года.

6. В августе 2012 года он вместе с Японией, Южной Кореей, Индией, Австралией, Новой Зеландией и АСЕАН согласился начать переговоры о создании Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП), как альтернативы поддерживаемому США Транстихоокеанскому партнерству (ТТП).

с регионализмом, в китайском академическом дискурсе. К концу первого десятилетия нынешнего века этот процесс приобрел масштабы, близкие к общенациональной дискуссии, охватывающей практически все ключевые аспекты регионализма и регионального строительства. Здесь важно обратить на перемены, связанные с критическим переосмыслением и переоценкой прежней политики страны в региональном окружении. Так, в частности, одно из исследований группы китайских экспертов по Юго-Восточной Азии, посвященное анализу взаимоотношений Китая и АСЕАН, специально обращает внимание на негативное наследие, порождающее недоверие к Китаю со стороны соседей, которое ему необходимо преодолеть для налаживания и развития отношений с ними. К этому «наследию» были отнесены не только попытки Китая экспортировать «левую» идеологию в регион во время Культурной революции, его поддержку вооруженных коммунистических повстанцев и переворотов в соседних странах, его политические манипуляции с китайцами за рубежом (хуацяо) и напоминания о даннических отношениях Юго-Восточной Азии с имперским Китаем. Авторы указывают также на недоброжелательность, созданную после окончания Холодной войны «неумелой» позицией Китая в вопросах Южно-Китайского моря и Тайваня, модернизацией китайских вооруженных сил и проблемами, которые Китай создает для экономик стран АСЕАН. Не удивительно в этой связи, отмечается в исследовании, что многие государства АСЕАН стремятся к тесным отношениям с США чтобы избежать втягивания в китайскую сферу влияния [55, p. 57].

Таким образом, начиная с вступления в 1991 году в АТЭС, Китай эволюционировал от редкого участия в региональном сотрудничестве или региональных многосторонних механизмах до все более активной его роли в различных региональных институтах. До последнего времени он обычно выступал в роли участника, а не основателя или лидера в региональном строительстве. Это, однако, не означало, что Китай удовлетворяется преимущественно пассивной ролью. С течением времени он начинает предпринимать все более активные усилия с целью максимизировать свои национальные интересы посредством регионального сотрудничества, опираясь на растущую уверенность его политиков в способности успешно работать на многосторонних форумах. Такая, ориентированная на процесс форма восточноазиатского сотрудничества, по мнению некоторых китайских специалистов, побуждала китайских политиков уделять меньше внимания конкретным результатам участия и больше самому процессу. Ключевой задачей в этом случае выступает укрепление в целом хороших отношений, развитию которых способствуют региональные институты [60]. И если вплоть до конца 2010-х годов Китай не имел своей собственной – всесторонней и согласованной – повестки регионального строительства, теперь она, похоже, не только появляется, но и превращается в одно из ключевых направлений внешней политики, нацеленного на формирование региональной

среды и региональных порядков, соответствующих собственным интересам и представлениям Китая.

ЭТАП ОФОРМЛЕНИЯ В КИТАЕ СОБСТВЕННОЙ ВЕРСИИ РЕГИОНАЛИЗМА: С 2013 ГОДА

Дипломатия Китая, как утверждают некоторые китайские исследователи, давно исходит из того, что если большие державы являются основными, то соседи – важнейшими [42, p. 9]. Тем не менее, нельзя не заметить, что новое, гораздо более заметное и отчетливое звучание региональная проблематика начинает приобретать в Китае с приходом в 2012 году к власти Си Цзиньпина и пятого поколения китайских лидеров. Действительно, дискуссии о том, следует ли Китаю сосредоточиваться главным образом на своем непосредственном соседстве или же на выстраивании взаимодействий с основными мировыми державами, как отмечают директор Института американских исследований Да Вэй (DaWei) и сотрудник этого же института Сунь Ченхао (Sun Chenghao), велись на протяжении двух последних десятилетий. И если в 1990-е годы преобладающим оставалось мнение, что «приоритетом среди приоритетов» являются отношения Китай – США, то к первому десятиетию нынешнего века, считают они, эти два направления практически сравнялись по степени своей важности. Свидетельством этого стал дипломатический девиз «великие державы – это ключ, а периферия – приоритет» (*daguo shi guanjian, zhoubian shi shouyao*), сформулированный Председателем КНР Ху Цзиньтао [13]. Это позволяет, убежден профессор Центра международных стратегических исследований и безопасности Пекинского университета международных исследований Чжао Сяочунь (Zhao Xiaochun), отнести начало нынешней китайской политики соседства (*zhoubian*) к 2002 году, времени начала мандата Президента Ху Цзиньтао [20, p. 3]. Однако, как считает Ян Сюэтунь (Yan Xuetong), некоторая неоднозначность, присущая этой формулировке, затрудняла точность определения внешнеполитических приоритетов. Окончательно эта дилемма была решена только Си Цзиньпином, подчеркнувшим в своем выступлении в ноябре 2014 года, что основным объектом внимания Китая теперь является его соседство [6, p. 4].

Новый этап эволюции китайского видения регионализма отличается очевидное стремление к более глубокой региональной интеграции посредством обращения к фундаментальным основам исторической и культурной эмпатии, сближающим Китай с его азиатскими соседями. Другими словами, впервые в современной истории китайское руководство начинает формулировать цель не просто как интеграцию в регион посредством расширения и интенсификации торговых и экономических связей, но как интеграцию региона, опираясь на его историческую и культурную общность [63]. Свидетельством этого является целая серия новых концепций и инициатив в области регионального строи-

тельства, предложенных китайскими лидерами и активное обсуждение современной региональной стратегии Китая. Важным рубежом на этом пути стали Рабочий форум по китайской дипломатии в отношении периферии (2013 год) и Центральная конференция КПК по работе, связанной с иностранными делами (2014 год), которые многими – внутри страны и за её пределами – рассматриваются в качестве весьма важного по своим последствиям события и поворотного момента во внешней политике Китая⁷. В подтверждение этого наблюдатели ссылаются на беспрецедентные масштабы и эксклюзивный характер данных мероприятий. В частности, состав участников Конференции включал членов Постоянного комитета, всех членов Политбюро и Секретариата ЦК, государственных советников, членов Руководящей группы по иностранным делам, министров центрального правительства, секретарей провинциальных комитетов партии и губернаторов, представителей высшего командования НОАК, руководителей крупных финансовых и производственных предприятий и представителей негосударственных организаций [59, р. 168]. Основными целями данного мероприятия, по сообщениям официальных китайских медиа, выступали «извлечение уроков, изучение и оценка текущей ситуации, объединение мыслей, прогнозирование будущего, определение стратегических целей, основных ориентиров и общее планирование будущего на срок от пяти до пятнадцати лет, определение рабочих «дорожных карт» и схем решения основных проблем периферийной дипломатии» [21]. Что касается Рабочего форума, то он стал не только первым столь масштабным мероприятием по вопросам внешней политики с 2006 года, но и первым, специально посвященным периферийной дипломатии и соседским отношениям с момента образования КНР в 1949 году [57].

В комментариях по итогам конференции, президент Китайского института международных исследований Квай Син (Qui Xing), однозначно заявил: «Среди категорий дипломатий больших держав, периферийной, развивающихся стран и многосторонней, периферия приобретает все большее значение» [46]. «Совершенно очевидно, – добавляет профессор Школы международных исследований Пекинского университета Ван Ичжоу (Wang Yizhou), – что новое мышление Китая в отношении периферийной дипломатии демонстрирует сдвиг его позиции от пассивной, неблагоприятной дипломатии прошлой эпохи к лидерству в формировании структуры безопасности в Азии. Новая формулировка предупреждает всех, кого это касается, насчет этого важного сдвига в международных отношениях» [52]. «Президент Си Цзиньпин, – убежден заместитель директора Института мировой политики Китайских институтов современных международных отношений Чэнь Сяньян (Chen Xiangyang) уже начал дипломатию «новой нормальности» в отношении китайской периферии. Соседние страны будут оставаться приоритетом

7. См., например: [52; 13; 48; 8; 22].

в дипломатии Китая и в будущем» [10].

Существенные перемены, наметившиеся во внешнеполитическом мышлении Китая подтверждают, одновременно все больше раскрывая их смысл, несколько обстоятельств. К числу наиболее важных среди них, вероятно, могут быть отнесены (а) новое понимание Китаем себя самого; (б) меняющееся понимание им своего окружения и (в) переосмысление фундаментальных принципов внешнеполитического поведения.

Если говорить о первом, то, как отмечают многие китайские и зарубежные исследователи, стремительный рост экономической и военной мощи Китая, оказал заметное влияние на мировоззрение китайских лидеров, что стало особенно очевидно с приходом к власти Си Цзиньпина. Ныне китайское руководство, похоже, убеждено, что новая экономическая сила Китая дает ему право на гораздо более существенное международное присутствие и большее уважение [12; 41]. Крепнущие в китайском обществе националистические настроения и ожидания, настаивающие на более твердой позиции, которая соответствует новому положению Китая как великой державы, также способствуют переменам в стратегическом мышлении руководителей страны [5, р. 5]. Многочисленные выступления и заявления Си Цзиньпина и Ли Кэцзяна, по мнению Ван Ичжоу, ясно указывают на то, что нынешнее китайское руководство отличают глобальное сознание и устремления, основывающиеся на ожиданиях дальнейшего прогресса и уверенности в себе. «Новые китайские элиты, – констатирует он, – меньше отягощены историческими воспоминаниями и в большей степени мотивированы будущими амбициями. В отличие от Китая, возглавляемого Мао Цзэдуном, Дэн Сяопином, Цзян Цзэмином и Ху Цзиньтао, современный Китай не является ни великой страной, страдающей от угнетения и частичного разделения, ни обедневшей и экономически маргинализованной частью мира. Напротив, это великая страна, где имеет место быстрое всестороннее развитие, и где амбиции и стремления опережают материальные силы...» [51].

Второе важное обстоятельство связано происходящей ныне существенной переоценкой в Китае его непосредственного окружения (периферии), возможностей, возникающих здесь, и его роли для будущего страны. Довольно долго периферийная политика Китая значительной степени определялась «страхом окружения» тремя великими державами Индией, Россией и США. В Южной Азии, например, её проявлением стало партнерство с Пакистаном с ориентацией на сдерживание Индии, в Центральной Азии аналогичные соображения в отношении РФ привели к созданию ШОС [5, р. 2]. Теперь же, благодаря масштабным переменам внутреннего и международного контекста, у Китая, как отмечается все чаще, появляется реальная возможность перехода от стратегии препятствования росту влияния великих держав на его периферии к политике укрепления здесь собственных позиций и интересов. Благоприятная периферия, полагает в этой связи директор Китайского

института международных исследований Чэнь Сюлун (Chen Xulong), «...будет служить трамплином для Китая, чтобы он стал глобальным и сыграл свою роль ответственной мировой державы, которую ожидают от него другие страны. Если она и не главный приоритет, периферийная дипломатия сохраняет жизненно важное значение для дипломатической повестки Китая [10]. Поскольку, как полагают другие китайские специалисты «...в политическом плане Китай понимает, что он будет иметь ограниченное глобальное влияние на многие десятилетия вперед, основным театром для Китая, который будет обеспечивать политическое влияние, станет регион. Признавая, что он не может рассчитывать на глобальный голос, если не сможет быть хотя бы региональным политическим тяжеловесом, — полагают директор Института Азиатско-Тихоокеанских исследований и Института японских исследований Китайской академии общественных наук Чжан Юньлин (Zhang Yunlin) и профессор Фуданьского университета Тан Шипин (Tang Shiping), — региональная стратегия Китая направлена на то, чтобы страна стала «незаменимой» в решении региональных проблем [49, p. 52].

Растущая значимость периферии для Китая обусловливается рядом факторов. Во-первых, тем что прежняя задача обеспечения безопасности вовсе не утрачивает своей актуальности. Регион в этом случае, считают Чжан Юньлин и Тан Шипин, должен рассматривать «в качестве щита от давления со стороны других великих держав», а региональная стратегия Китая должна включать «поддержку, когда это возможно, сердечных отношений с региональными государствами в целях предотвращения коалиции твердого сдерживания (окружения) любой комбинацией внешних великих держав» [49, p. 52]. Вторым важным фактором является то, что расширение экономических взаимодействий с ближайшими соседями и региональная интеграция превращаются во все более значимый инструмент стабилизации окружающей среды Китая, развития его экономики и решения транснациональных проблем. Соответственно, трансформация отношения с Азией через практику регионализма превращается для Китая в одну из ключевых составляющих внешнеполитической стратегии [36]. Наконец, еще одно обстоятельство связано, по мнению китайских экспертов, со спецификой регионального окружения Китая. В отличие, к примеру, от США, чья периферия, как считает Чэнь Сюлун, довольно проста и которая не представляет проблем с точки зрения управления ею, китайская окружающая среда является гораздо более сложной и неопределенной [10]. «Периферия Китая является столь обширной областью, — поддерживает его директор программы изучения Южной Азии Шанхайского института международных исследований Чжао Ганчэн (Zhao Gancheng), — что практически охватывает всю Азию. Основные интересы Китая лежат в Азии. Для Китая крайне важно иметь дело со своими соседями должным образом, потому что Китай не сможет поддерживать устойчивое развитие без стабильной периферии» [36].

История подъема великих держав, указывают специалисты Школы международных отношений Пекинского Университета международных исследований Ли Юнхуя (Li Yonghui) и Чжао Цзиньфу (Zhao Jinfu), неоспоримо указывает на важность формирования надежного окружающего пояса. Научный анализ усилий великих держав по строительству стратегических периферийных поясов привел их, как минимум, к двум важным выводам. Во-первых, что надежный стратегический периферийный пояс имеет жизненно важное значение для подъема великой державы и долгосрочной стабильности. Во-вторых, что не менее важно, значение имеет также путь или метод строительства страной стратегического окружающего пояса [33]. Таким образом, для того, чтобы обеспечить стратегический подъем, Китаю также необходимо построить мощный и надежный периферийный пояс. При этом, однако, считают Ли Юнхуй и Чжао Цзиньфу, следует учитывать как особенности географического положения страны, так и нюансы современного международного политического климата [33].

И, наконец, третьим обстоятельством, явно указывающим на существенные перемены во внешнеполитическом мышлении Китая после 2013 года, является, как уже отмечалось, начавшееся переосмысление фундаментальных принципов внешнеполитического поведения. Рабочий форум по китайской дипломатии по отношению к периферии (2013 год) и Центральная конференция КПК по работе, связанной с иностранными делами (2014 год) стали, по мнению многих китайских и зарубежных специалистов, площадкой для презентации идей, принципиально меняющих подходы и ориентации Китая, преобладавшие в его внешней политике в течении последних нескольких десятилетий. В частности, речь Си Цзиньпина, с которой он выступил на Рабочем форуме по китайской дипломатии по отношению к периферии, убеждены старший научный сотрудник Института мировой экономики и политики Академии наук КНР Сюй Цзинь (Xu Jin) и его коллега Ду Чжэнюань (Du Zheyuan), «представляет собой выход за пределы руководящих принципов внешней политики «28 символов» и свидетельствует о начале всеобъемлющей трансформации китайской дипломатии» [58, p. 279]. Это, считают они, означает, что политическая основа для доминировавших ранее шаблонов внешнеполитического мышления, постепенно исчезает и уходит в историю. В этой речи, констатирует, поддерживая данный вывод Янь Сюэтуна, была представлена концепция, свидетельствующая о серьезной трансформации всей внешней политики Китая [59, p. 154].

Несмотря на то, что далеко не все китайские специалисты однозначно согласны с утверждениями о трансформации принципиальных основ внешней политики в качестве уже свершившегося факта, тем не менее, никто не может отрицать, что этот процесс все больше набирает силу. Смыслом его, по мнению доцента кафедры государственного управления и публичной администрации Университета Макао Чэнь Диннина (Chen Dingding), является переход от стратегии «скрывать воз-

возможности» / «стараться держаться в тени» («tao guang yang hui» / TGYH) к стратегии «стремления к достижению» («fenfayouwei»/ FFYW) [14]. Стратегия «стремления к достижению», поддерживает это мнение Янь Сюэтуна, находится на грани замены собой прежней стратегии «скрывать свои возможности» как краеугольного камня китайской внешней политики [59]. В числе прочего это, отмечают Сюй Цзинь и Ду Чжэньюан это означает, что постепенно политика «самостоятельного» («substantive») альянса заменит собой политику неприсоединения; управление другими государствами заменит политику «никогда не лидировать», являющаяся политикой, подходящей для слабых государств, или политикой, которая сигнализирует о слабости; «дипломатия, которая служит функции реализации омоложения нации» заменит «дипломатию, которая служит экономическому развитию». Так называемое большое омоложение китайской нации, считают они, фактически эквивалентно претензии на то, чтобы стать сверхдержавой, а значение, которое Китай придает с его отношениями со своими соседями, превзойдет те, которые связаны с согласованием китайско-американских отношений [58, р. 276 – 277].

Таким образом, в совокупности все это указывает на то, что акцентирование периферийной дипломатии и региональных взаимодействий в качестве приоритета во внешней политике периферийной дипломатии (региональным взаимодействиям) является составной частью общего процесса переосмысления и трансформации общей стратегии внешней политики страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С приходом к власти Си Цзиньпина и пятого поколения китайских лидеров в 2012 году региональная проблематика стала приобретать новое, все более заметное звучание в Китае, что позволяет говорить о начале формирования собственного китайского видения регионализма как сумме согласованных представлений об окружающем региональном пространстве, взглядов на региональные порядки и стратегий поведения в региональной среде. Подтверждением этого выступает целая серия новых концепций и инициатив в области регионального строительства, предложенных китайскими лидерами и активное обсуждение новой региональной стратегии Китая в академической среде. Китайские дискуссии о региональном первенстве уже не ограничиваются академическими и политическими дискуссиями. Современная китайская политика демонстрирует его стремление и усилия, направленные на совершенствование региональных порядков, ориентированных на Китай, в самых разных окружающих его субрегионах. Как отмечает в

в. Подробнее об этом см.: [38]

этой связи ведущий эксперт по региональному сотрудничеству Китайской Академии социальных наук Чжан Юньлин (Zhang Yunling, «выдвигая новые идеи и предложения, Китай предпринял попытку перестроить региональные порядки благоприятным для себя образом. В последние годы Китай использовал все мыслимые случаи, в том числе экономические, политические, оборонные и культурные, для продвижения новых идей и предложений. ...Китай не только предлагал новые идеи, но и предоставил финансирование для их поддержки [62, р. 49]. Наиболее масштабным и обсуждаемым современным региональным проектом Китая, безусловно является Инициатива «Один пояс, один путь» («One Belt One Road (OBOR) Initiative»), появление которой свидетельствует о формировании общих контуров китайского подхода к регионализму.

Содержание и общие его представления являются продуктом достаточно продолжительного процесса теоретических исследований, концептуальных дебатов и практических экспериментов, истоки которого уходят к временам появления современного Китая в середине прошлого века. Несмотря на то, что говорить о китайском регионализме в полном смысле этого слова вряд ли возможно до конца десятилетия нынешнего века, предшествующий период, который может быть определен как прелюдия регионализма, имеет важное значение. Таким образом, в целом эволюционная история регионализма Китая может быть представлена в виде двух основных периодов.

Первый из них – с начала 1950-х до конца 1990-х годов – период предьстории китайского регионализма определяла траектория дрейфа от первоначального враждебно настроенного отношения Китая к организованным региональным взаимодействиям до признания полезности и включения в организованные взаимодействия с региональными соседями с целью обеспечения национального роста и развития. Даже в конце этого периода политика и поведение Китая в региональной среде определялись не столько каким-то общим видением или стратегией, сколько меняющимися конъюнктурными устремлениями. Присоединяясь к спонтанным и организованным региональным взаимодействиям Китай в большей степени мотивировался не представлениями о возможных коллективных выгодах, но главным образом интересами собственного роста и развития. Он не стремился к созданию каких-либо устойчивых форм кооперации с определенным кругом региональных соседей, а пытался воспользоваться благоприятными возможностями, создаваемыми любыми групповыми объединениями в своем окружении. Региональная активность Китая в большей мере опиралась на прагматичное стимулирование процессов регионализации преимущественно в хозяйственно-экономической сфере, нежели на долгосрочную согласованную региональную стратегию [63]. Таким образом, до самого последнего времени Китай, как отмечают многие, не имел общего видения регионального развития и сотрудничества, а сами китайские специалисты предпочитали рассуждать не о регионализме, а в ос-

новном о «Большом Китае» [3, p. 116].

Второй, период рождения китайского видения регионализма, охватывает время с начала 2000-х годов и до сегодняшних дней. Его отличает очевидное стремление к более глубокой региональной интеграции посредством обращения к фундаментальным основам исторической и культурной эмпатии, сближающим Китай с его азиатскими соседями. Другими словами, впервые в современной истории китайское руководство, во-первых, начинает отдавать явный приоритет региональным взаимодействиям. И, во-вторых, формулирует в качестве их цели не просто интеграцию в регион посредством расширения и интенсификации торговых и экономических связей, а ведомую им интеграцию региона, опираясь на историческую и культурную общность последнего.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Acharya Amitav. China's Charm Offensive in Southeast Asia // Kathmandu Post. Sunday November 09, 2003. Available at: <http://www.amitavacharya.com/sites/default/files/Kathmandu%20Post%20November%209%202003.pdf>. (accessed 23.06. 2018) (In Eng.)
2. Baogang He. Contested Ideas of Regionalism in Asia. New York: Rutledge, 2017. - 196 p.
3. Baogang He. East Asian Ideas of Regionalism: a Normative Critique // Australian Journal of International Affairs. March 2004. Vol. 58. No 1. Pp. 105 - 125.
4. Baogang He. Sun Yat-sen's Idea of Regionalism and His Legacy. In: Sun Yat-sen, Nanyang, and the 1911 Revolution. Eds. Lee Lai To and Lee Hock Guan. Singapore: ISEAS Publication, 2011. Pp. 44 - 60.
5. Bekkevold Jo Inge. The Reconfiguration of China's Geostrategic Outlook. ThinkChina.dk Policy Brief. No 5. 19 September 2016. Available at: https://www.thinkchina.dk/documents/2016-09-19_ThinkChinaPolicyBrief_Bekkevold.pdf. (accessed 07.04. 2018) (In Eng.)
6. Bondaz Antoine. China's Foreign Policy: Prioritising the Neighbourhood // China Analysis. Special Issue. April 2015. P. 4. Available at: [http://www.ecfr.eu/page/-/ChinaAnalysisEng_Special_issue_1503_Final_v3_\(2\).pdf](http://www.ecfr.eu/page/-/ChinaAnalysisEng_Special_issue_1503_Final_v3_(2).pdf). (accessed 14.03. 2017) (In Eng.)
7. Calder Kent and Min Ye. The Making of Northeast Asia. Stanford: Stanford University Press, 2010. 368 p.
8. Callahan William A. China's «Asia Dream»: The Belt Road Initiative and the New Regional Order // Asian Journal of Comparative Politics. 2016. Vol. 1. Issue 3. Pp. 226 - 243.
9. Chen Xiangyang. Xi Creates «New Normal» of Periphery Diplomacy. Available at: http://www.cicir.ac.cn/chinese/Article_6378.html. (accessed 11.09. 2017) (In Eng.)
10. Chen Xulong. Xi Jinping Opens A New Era of China's Periphery Diplomacy. November 09, 2013. Available at: <https://www.chinausfocus.com/foreign-policy/xin-jinping-opens-a-new-era-of-chinas-periphery-diplomacy>. (accessed 08.10. 2017) (In Eng.)
11. Chien-Peng Chung. China's Approaches to the Institutionalization of Regional Multilateralism // Journal of Contemporary China. November 2008. Vol. 17. Issue 57. Pp. 747 - 764.
12. Christensen Thomas J. The China Challenge: Shaping the Choices of a Rising Power. W.W.: Norton & Company, 2015 - 400 p.
13. Da Wei and Sun Chenghao. China's Changing Foreign Policy Priorities Available at: Journal of International Security Affairs. Spring/Summer 2015. No 28. <http://www.securityaffairs.org/issues/number-28/chinas-changing-foreign-policy-priorities>. (accessed 07.04. 2018) (In Eng.)
14. Dingding Chen. Chinese Foreign Policy Needs Major Reform Available at: <https://thediplomat.com/2014/08/chinese-foreign-policy-needs-major-reform/>. (accessed 06.07. 2018) (In Eng.)
15. Economy Elizabeth. The End of the «Peaceful Rise»? // Foreign Policy. December, 2010. Available at: http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/11/29/the_end_of_the_peaceful_rise. (accessed 11.09. 2017) (In Eng.)
16. Feng Zhang. Regionalization in the Tianxia? Continuity and Change in China's Foreign Policy. In: China and the Global Politics of Regionalization. Edited by Emilian Kavalski. Farnham: Ashgate Publishing limited, 2009. - 262 p.

17. Fu Ying. China and Asia in a New Era // China: An International Journal. September 2003. Vol. 1. No 2. Pp. 304 - 312.
18. Fujian Li. China's Changing Regional Policies in Asia: A Comparative Analysis. Thesis Presented for the Degree of Doctor of Philosophy of The University of Western Australia, 2013. Available at: https://research-repository.uwa.edu.au/files/3239917/Li_Fujian_2013.pdf. (accessed 12.07. 2017). (In Eng.)
19. Gillespie Sandra. Diplomacy on a South-South Dimension: The Legacy of Mao's Three-World Theory and the Evolution of Sino-African Relations Available at: https://www.diplomacy.edu/sites/default/files/IC%20and%20Diplomacy%20%28FINAL%29_Part8.pdf. (accessed 12.07. 2017). (In Eng.)
20. Godement François. China's Neighbourhood Policy: a CICIR Roundtable // China Analysis. Special Issue. February 2014. Available at: http://www.ecfr.eu/page/-/China_Analysis_China_s_Neighbourhood_Policy_February2014.pdf. (accessed 15.03. 2018). (In Eng.)
21. Important Speech of Xi Jinping at Peripheral Diplomacy Work Conference. Available at: http://www.cciced.net/cciceden/NEWSCENTER/LatestEnvironmentalandDevelopmentNews/201310/t20131030_82626.html. (accessed 11.09. 2017) (In Eng.)
22. Johnson Christopher K. President Xi Jinping's «Belt and Road» Initiative A Practical Assessment of the Chinese Communist Party's Roadmap for China's Global Resurgence. A Report of the CSIS Freeman Chair in China Studies. March 2016. - 25 p.
23. Jiang An. Mao Zedong's «Three Worlds» Theory: Political Considerations and Value for the Times // Social Sciences in China. 2013. Vol. 34. No. 1. Pp. 35 - 57.
24. Kun Zhai. «Mulin, anlin, fulin» de shidai neihan [The Contemporary Implication of the Friendly, Peaceful and Prosperous Neighbours]. Ban Yue Tan [China Comment] 2003. No 21. Pp. 81 - 83.
25. Kavalski Emilian. «Do as I Do»: the Global Politics of China's Regionalization. In: China and the Global Politics of Regionalization. Ed. by Emilian Kavalski. Farnham: Ashgate Publishing limited, 2009. Pp. 1 - 16.
26. K hnhardt Ludger. Region-Building. Volume I: The Global Proliferation of Regional Integration. New York: Berghahn Books, 2010. - 512 p.
27. Kim S. China, the United Nations, and World Order. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1979. - 610 p.
28. Kim, S.S. (ed.) China and the World. Boulder, Co: Westview, 1994. - 464 p.
29. Kim S. Mao Zedong and China's Changing World View. In: China in the Global Community. Ed. C. Hsiung and S. S. Kim. New York: Praeger, 1980. Pp. 30 - 31.
30. Корсун В.А. Внешнеполитический механизм с «китайской спецификой». С. 231 Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/vneshnepoliticheskiy-mehanizm-s-kitayskoy-spetsifikoy>. (accessed 15.03. 2018). (In Rus.)
31. Levine Steven I. China in Asia: The PRC as Regional Power. In: China's Foreign Relations in the 1980s. Ed. by Harry Harding. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1984. Pp. 107 - 145).
32. Li Mingjiang. China and Asian Regionalism: Pragmatism Hinders Leadership. Working Paper S. Rajaratnam School of International Studies. No. 179. Singapore, 19 May 2009. - 29 p.
33. Li Yonghui, Zhao Jinfu. Constructing a Strategic Peripheral Belt to Support the Wings of China's Rise Available at: <http://bbs.chinadaily.com.cn/home.php?mod=space&uid=1057682&do=blog&id=15734>. (accessed 11.09. 2017) (In Eng.)
34. Mao Zedong. Mao Zedong on Diplomacy. Beijing: Foreign Languages Press, 1998. - 498 p.
35. Pan Guang. China and Central Asia: Charting a New Course for Regional Development // China Brief 7. 2007. No. 3. Available at: http://www.jamestown.org/china_brief/article.php?articleid=2373267. (accessed 15.03. 2018). (In Eng.)
36. Pang Zhongying. Challenges and Opportunities A personal view from China Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/singapur/04601/2007-2/zhongying.pdf>. (accessed 11.09. 2017) (In Eng.)
37. Pempel T.J. The Race to Connect East Asia: an Unending Steeplechase // Asian Economic Policy Review. 2006. Vol. 1. Issue 2. Pp. 239 - 254.
38. Песцов С.К. Регионализм и новая периферийная политика Китая // Мировая политика. 2017. № 3. С. 103 - 118.
39. Reports to the CPC National Congress (1992, 1997, 2002, 2007). Available at: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2003-01/21/content_698625.htm. (accessed 11.09. 2017). (In Eng.)
40. Reports on the work of government by the State Council (1995, 1996, 1997, 1998, 2003, 2004, 2005, 2006, 2010). Available at: http://www.gov.cn/test/2006-02/16/content_200719.htm.htm. (accessed 11.09. 2017). (In Eng.)
41. Robert S. Ross and Jo Inge Bekkevold. (Eds.) China in the Era of Xi Jinping: Domestic and Foreign Policy Challenges. Georgetown University Press, 2016. - 336 p.

42. Ruan Zongze, Chen Yurong, Lan Jianxue, Song Junying, Guo Jinyue. China's New Neighborhood Diplomacy: Seeking Stability Through Management and Planning. CIIS Report. No. 9. February 2016. - 64 p.
43. Rumley Dennis. The Geopolitics of Asia-Pacific Regionalism in the 21st Century // The Otemon Journal of Australian Studies. 2005. Vol. 31. Pp. 5 – 27.
44. Shambaugh David. China Engages Asia. Reshaping the Regional Order // International Security. Vol. 29. No. 3. Winter 2004/05. Pp. 64 - 99.
45. Sheng Ding. Concealed Regionalization Without Historical Roots: a New Form of Regionalism in Rising China's Foreign Policy. In: China and the Global Politics of Regionalization. Edited by Emilian Kavalski. Farnham: Ashgate Publishing limited, 2009. Pp. 33 - 46.
46. Sun Yat-Sen. China and Japan: Natural Friends and Unnatural Enemies. Ed. by Tang Leang-li. Shanghai: China United Press, 1941. - 182 p
47. Suwa Kazuyuki. New Directions for Chinese Diplomacy? Available at: <http://www.tokyofoundation.org/en/articles/2015/new-directions-for-chinese-diplomacy>. (accessed 21.06. 2018). (In Eng.)
48. Swaine M.D. Chinese views and commentary on periphery diplomacy. China Leadership Monitor 2014. No 44. Pp. 1–43;
49. Tang Shiping and Zhang Yunling. China's Regional Strategy. In: Power Shift: China and Asia's New Dynamics. Ed. by David Shambaugh. University of California Press, 2005. Pp. 48 - 68.
50. Wang Jisi. China's Changing Role in Asia // «China's Changing Role in Asia», The Rise of China and a Changing East Asian Order 7 Ed. Kokubun Ryosei and Wang Jisi. Tokyo: Japan Center for International Exchange, 2004. Pp. 3 - 21.
51. Wang Yusheng. China's Peripheral Diplomacy for Community of Common Destiny Available at: <http://www.chinafocus.com/foreign-policy/chinas-peripheral-diplomacy-for-community-of-common-destiny>. (accessed 21.06. 2018). (In Eng.)
52. Wang Yizhou. China's New Foreign Policy: Transformations and Challenges Reflected in Changing Discourse. Available at: <http://www.theasanforum.org/chinas-new-foreign-policy-transformations-and-challenges-reflected-in-changing-discourse/>. (accessed 21.06. 2018). (In Eng.)
53. Weifeng Zhou. Beyond the Balance of Power: the Logic of China's Engagement in Regional Multilateralism. A Doctoral Dissertation. Department of Political Science and International Relations, Faculty of Law, Autonomous University of Madrid. Madrid, 2018. - 215 p.
54. Work Together to Promote Asian Cooperation in the New Century. Speech by Premier Wen Jiabao at the Opening Ceremony of The 3rd ACD Foreign Ministers Meeting. Qingdao, 22 June 2004. Available at: <http://www.acd-dialogue.org/ministerial-meeting/3rd/1.pdf>. (accessed 21.06. 2018). (In Eng.)
55. Wu Xinbo. Chinese Perspective on Building an East Asian Community in the Twenty- first Century. In: Michael Green and Bates Gill (eds.) Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community. New York: Columbia University Press, 2009. Pp. 55 - 77.
56. Xiang Huan. Yatai diqu fazhan qianjing yu huan taipingyang hezuo [The future development of the Asia-Pacific region and the Pan-Pacific cooperation] // Guoji Wenti Ziliao [Materials for International Studies]. 1985. No. 4. Pp. 2 – 9.
57. Xue Li and Zheng Yuwen. A Blueprint for China's Neighborhood Diplomacy. China is Emphasizing Neighborhood Diplomacy, But How to Actually Carry It Out? Available at: <http://thediplomat.com/2016/03/a-blueprint-for-chinas-neighborhood-diplomacy/>. (accessed 21.06. 2018). (In Eng.)
58. Xu Jin and Du Zheyuan. The Dominant Thinking Sets in Chinese Foreign Policy Research: A Criticism // The Chinese Journal of International Politics. 2015 Vol. 8. No 3. Pp. 251 - 279.
59. Yan Xuetong. From Keeping a Low Profile to Striving for Achievement // The Chinese Journal of International Politics. 2014. Vol. 7. Issue 2. Pp. 153–184.
60. Yaqing Qin and Ling Wei. Jiegou, jincheng yu quanli de shehui hua [Structures, processes, and the socialisation of power: China and regional cooperation in East Asia]. Shijie Jingji yu Zhengzhi [World Economics and Politics]. 2007. No. 3. Pp. 7 - 15.
61. Zhang Chi. Historical Changes in Relations Between China and Neighboring Countries (1949–2012). Asia Paper. Institute for Security and Development Policy. March 2013. - 44 p.
62. Zhang, Baohui. Chinese Foreign Policy in Transition: Trends and Implications // Journal of Current Chinese Affairs. 2010. Vol. 39. No 2. Pp. 39 - 68.
63. Zhang Xiaotong, Li Xiaoyue. China's Regionalism in Asia. Available at: <http://www.theasanforum.org/chinas-regionalism-in-asia/>. (accessed 16. 03. 2017).
64. Zhao Suisheng. China's Approaches toward Regional Cooperation in East Asia: Motivations and Calculations // Journal of Contemporary China. 2011. Vol.20. Is. 68. Pp. 53 - 67.

УДК 327.8

Индия и США: формирования Индо-Тихоокеанского геополитического пространства

Гарусова Лариса Николаевна

доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: lgarusova@mail.ru

Современная Индия — влиятельная держава Южно-Азиатского региона, обладающая потенциалом мирового лидера. Ожидается, что уже к началу 2019 г. Индия станет пятой, а к 2032 г. третьей крупнейшей экономикой мира после США и Китая. Усиление международного экономического и политического влияния Индии делает ее желанным партнером для любой страны, включая США. За последние 70 лет американо-индийские отношения эволюционировали от состояния холодного дистанцирования до реального стратегического партнерства. В настоящее время обе страны включились в процесс совместного структурирования нового геополитического ареала — «Индо-Тихоокеанского региона». Улучшению отношений Индии и США в XXI веке в значительной мере способствовал фактор Китая. Обе страны обеспокоены его растущей военной и экономической мощью и выстраивают свое экономическое и военно-политическое сотрудничество на основе «общих демократических ценностей и интересов». Подлинный прорыв в отношениях Индии и США произошел в 2000-е гг. в период пребывания у власти президента Джорджа Буша-младшего (2001-2009 гг.). Администрация президента Буша выбрала в качестве основы своей внешней политики концепцию «демократической Индии». Этот внешнеполитический подход сохранился до настоящего времени. В период президентства Барака Обамы (2009-2016 гг.) стратегические интересы и партнерские отношения Индии и США заложили основы формирования Индо-Тихоокеанского региона. Администрация президента Трампа активизировала военно-стратегическое и экономическое сотрудничество с Нью-Дели в формате нового геополитического пространства — Индо-Пацифике. Однако излишне «американоцентричная» внешняя политика США может нанести ущерб экономическим и политическим интересам Индии. Успешная реализация Индо-Тихоокеанской стратегии США и Индии приведет не только к ослаблению региональных позиций Китая, но и к ухудшению отношений России с Индией и Соединенными Штатами. Существует вероятность вытеснения России на периферию Евразии. Это может подтолкнуть Пекин и Москву к формированию собственного контрбаланса Вашингтону и Нью-Дели в Индо-Пацифике.

Ключевые слова: Индия, США, Китай, экономическое и военное сотрудничество, санкции, стратегическое партнерство, антикитайский вектор, Россия, Индо-Тихоокеанский регион, контрбаланс.